

Клодд Эдуард

**Эволюция человечества в письменах.
История алфавита**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э27

Э27 Эдуард К.
Эволюция человечества в письменах. История алфавита / Клодд Эдуард – М.: Книга по Требованию, 2025. – 88 с.

ISBN 978-5-519-89328-2

ISBN 978-5-519-89328-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Индійская петиція конгрессу С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Эдуардъ Клоддъ *).

Эволюція человѣчества въ письменахъ.

Исторія алфавита.

„Двумя величайшими изобрѣтеніями человѣческаго ума являются письмена и монеты: первый стали общимъ языкомъ человѣческаго ума, а вторыя — общимъ языкомъ личнаго интереса“.

Маркизъ Мирабо.

ГЛАВА I.

В в е д е н і е.

„Что у человѣка находится постоянно передъ глазами, того онъ обыкновенно не замѣчаетъ“... И, дѣйствительно, едва-ли найдется одинъ изъ десяти тысячъ современныхъ читателей, который-бы остановился надъ вопросомъ, откуда и какъ появился алфавитъ, дающій въ различныхъ своихъ комбинаціяхъ сотни тысячъ словъ современнаго языка.

Профессоръ Максъ Мюллеръ говоритъ, что „сдѣлавъ всѣ возможные сочетанія изъ 23 или 24 буквъ, мы можемъ получить любое слово, которое когда либо понималось у какого бы то ни было народа. Число такихъ словъ при 23 буквахъ было бы 25, 852, 016, 738, 884, 976, 640,000, а при 24 буквахъ 620, 448, 401, 733, 239, 439, 360,000; но“, — какъ дѣлаетъ профессоръ предупрежденіе, все значеніе котораго выяснится для насъ позднѣе, — „этѣ триллионы, билліоны и милліоны звуковъ не были бы еще словами, такъ какъ имъ недоставало-бы того важнѣйшаго составнаго элемента, который одинъ и дѣлаетъ слово словомъ, — а именно различныхъ идей, которыми они были вызваны къ жизни и которыя выражаются различно на различныхъ языкахъ“.

Подобно тому, какъ произведя анализъ надъ словами, мы можемъ открыть исторію ихъ происхожденія и тѣхъ перемѣтъ, которымъ они подверглись въ составѣ буквъ и въ своемъ значеніи въ то время, когда они переходили отъ старыхъ формъ къ современнымъ, и можемъ отыскать тѣ основанія, которыя управляли ихъ выборомъ, — такъ же и на буквахъ, которыя составляютъ эти

*) Читателямъ, желающимъ изучить предметъ настоящей книги болѣе всесторонне, можемъ рекомендовать прочесть между прочимъ: Мальверъ, „Наука и религія“ и Грантъ-Аленъ, „Эволюція идеи божества“ — оба изд. „Вѣст. Зн.“. Ред.

слова, лежить печать подобных же законовъ развитія. Исторія, которую мы здѣсь стараемся извлечь изъ нихъ, имѣетъ не только главы несовершенныя и испорченныя, но и главы совершенно затерянныя, которыя, быть можетъ, никогда не будутъ восстановлены. Но тѣмъ не менѣе до насъ дошло достаточно матерьяла, по которому мы можемъ рассказать о триумфѣ челоѣческаго ума въ рѣшеніи одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ, какія только онъ самъ себѣ ставилъ,—задачу, невыполненіе которой позволило бы челоѣческому прогрессу, въ высшемъ смыслѣ этого слова, дойти лишь до извѣстнаго предѣла. Мы говоримъ: „въ высшемъ смыслѣ“, такъ какъ челоѣчество сдѣлало длинный путь, не обладая искусствомъ чтенія и письма...

Безграмотный челоѣкъ можетъ быть прекраснымъ художникомъ-пейзажистомъ, искуснымъ инженеромъ, хорошимъ сельскимъ хозяиномъ или торговцемъ; безъ грамоты онъ можетъ удачно вести многія дѣла, поскольку онъ ограничиваетъ свои желанія „хлѣбомъ единымъ“. Правда и то, что многія пріобрѣтенія, сдѣланныя челоѣчествомъ въ прошломъ въ области умственной и духовной жизни, долгое время сохранялись въ формѣ устныхъ преданій. Но такая передача во всякомъ случаѣ оказывается ограниченной, а время и капризъ челоѣка дѣйствуютъ на нее разрушающимъ образомъ. Память, какъ бы ни была она емкой въ то время, когда печатное слово еще не вліяло на нее понижающимъ образомъ, не была непогрѣшимой, а по мѣрѣ того, какъ міровой запасъ знаній увеличивался, она не успѣвала „срывать свои старыя житницы и возводить новыя, болѣе высокія размѣровъ, гдѣ могла бы хранить свои богатства“. Нужно, — что почти невозможно для нашего воображенія, — допустить только, что тысячи сложныхъ событій, которыя наполняютъ прошлое нашего міра, не сохранились въ письменныхъ памятникахъ для того, чтобы понять умственную нищету настоящаго. Если мы только допустимъ, что отсутствуютъ все способы сообщенія съ друзьями на разстояніи и средство, при помощи котораго современныя сложныя и безчисленныя дѣловыя отношенія между людьми закрѣпляются на бумагѣ, а всякая сдѣлка „записывается въ книгу“, то можно представить себѣ всю безнадежную путаницу нашей общественной жизни, которая бы при этомъ произошла.

Все, что не охватила память, было абсолютно потеряно; не датированные и иначе не записанные памятники, которые прошлое оставило намъ, ступали бы только темпота; мы ничего бы не могли узнать объ усиліяхъ и размышленіяхъ людей древности; все наблюденія, весь опытъ, благодаря которому наука перешла отъ догадокъ къ достовѣрному знанію, были бы потеряны для насъ безъ возврата; жизнь бы тянулась изо дня въ день и представляла бы арѣище застоя въ мірѣ мыслящихъ существъ. Великія этическія произведенія Востока и Запада погибли бы для насъ, если не считать тѣхъ отрывковъ, которые какъ эхо повторялись капризными бардами, и безсмертныя литературы цѣлаго ряда послѣдовательныхъ вѣковъ какъ бы совсѣмъ не существовали для насъ. Одно только изобрѣтеніе письма сдѣлало возможнымъ для челоѣчества переходъ отъ варварскаго состоянія къ цивилизаціи и обезпечило челоѣческой расѣ постоянный прогрессъ. И только путемъ удивительнаго и крайне постепеннаго совершенствованія письма прошлое для насъ теперь такъ же краснорѣчиво, такъ же реально, какъ и настоящее.

Все эти соображенія въ настоящее время въ достаточной мѣрѣ сдѣлались общимъ мѣстомъ, но все же я считалъ не бесполезнымъ привести ихъ здѣсь. Точно такъ же два-три примѣра того, какое впечатлѣніе производятъ на умъ дикаря письменна-символы, позволить намъ лучше оцѣнить то положеніе, въ которомъ мы очутились бы, если бы не обладали этими символами. Въ разсказѣ о своихъ приключеніяхъ на островахъ Тонга, опубликованномъ приблизительно 90 лѣтъ тому назадъ, Вильямъ Маринеръ описываетъ, какъ страстное желаніе убѣжать съ того мѣста, гдѣ онъ съ нѣсколькими англичанами засѣлъ на медь

вслѣдствіе крушенія корабля, заставило его написать растворомъ изъ пороха и слизи вмѣсто перья, письмо, которое онъ довѣрялъ одному изъ расположенныхъ къ нему туземцевъ для передачи капитану того судна, которое случайно можетъ пристать къ берегамъ Тонга. Объ этомъ письмѣ прозналъ король Финау и захватилъ его. Но онъ не могъ разобрать въ немъ „ни головы, ни хвоста“. Однако, угрозами смертной казни, онъ добился отъ одного изъ сослуживцевъ Маринера по кораблю объясненія мистическихъ знаковъ, заключавшихся въ письмѣ. Сбитый совершенно съ толку, Финау послалъ за Маринеромъ и приказалъ ему написать что-нибудь иное; когда же Маринеръ обратился къ нему съ вопросомъ, о чемъ же писать, Финау отвѣтилъ: „напиши меня“. Когда это приказаніе было исполнено, Финау послалъ за другимъ морякомъ, который громко прочелъ королевское имя; этимъ обстоятельствомъ король, казалось, былъ смущенъ еще болѣе, чѣмъ прежде, и воскликнулъ: „да, это вовсе не похоже на меня, гдѣ же тутъ ноги?“ И только тогда онъ сталъ коть отчасти догадываться о томъ, что можно посредствомъ анаковъ обозначить тѣ вещи, которые видѣлъ пишущій и диктующій. Но смущеніе снова охватило короля, когда Маринеръ объяснилъ ему, что онъ могъ описать на бумагѣ и того, кого онъ никогда не видѣлъ, или описать такія событія, которыя происходили много лѣтъ тому назадъ, если только объ этихъ лицахъ или объ этихъ событіяхъ ему расскажутъ. Тогда Финау на ухо произнесъ ему имя Тонгу Ахо, перваго короля на Тонго, который, какъ это случайно было извѣстно Маринеру, былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Когда Маринеръ написалъ все это и король заставилъ прочесть написанное ему вслухъ, то было объяснено, что „въ нѣкоторыхъ государствахъ извѣстія отправляются такимъ же образомъ на большія разстоянія, а такъ какъ письма при этомъ бываютъ сложены и запечатаны, то тотъ, кто ихъ несетъ, не можетъ узнать о ихъ содержаніи, и что исторіи цѣлыхъ націй такимъ образомъ были переданы потомству, безъ всякаго матеріальнаго для нихъ ущерба“. Финау призналъ это изобрѣтеніе прекраснымъ, но нашелъ его однако непригоднымъ для острововъ Тонга; здѣсь оно сослужило бы службу лишь волпсіямъ и заговорамъ, и онъ ни дня не былъ бы спокоенъ за свою жизнь. Для себя же лично,—прибавилъ онъ лукаво,—а равно и для женщинъ онъ считаетъ это изобрѣтеніе очень удобнымъ, такъ какъ любовныя похищенія его были бы менѣе рискованными и менѣе навлекали бы на него мстительность мужей“.

Smithsonian Reports, 1864 г., рассказываетъ случай съ однимъ пидѣйцемъ, котораго миссіонеръ отправилъ къ своему товарищу съ четырьмя хлѣбцами и съ запиской, въ которой было указано число ихъ. Индѣецъ съѣлъ одинъ изъ хлѣбцевъ и былъ, конечно, изобличенъ. На другой разъ онъ былъ посланъ съ такой же посылкой и повторилъ пражу; но теперь онъ былъ осторожнѣе: на все время, пока онъ ѣлъ хлѣбецъ, онъ спряталъ запятокъ подъ камель, такъ чтобы она не могла увидать, что онъ дѣлаетъ!

Идеи варварскаго ума распадаютъ на родственныя основныя группы, и только что приведенные примѣры связаны съ широко распространенной вѣрой въ способность написанныхъ знаковъ къ черной или бѣлой магіи, въ способность ихъ производить излѣченіе и другія чары. Вѣра эта широко выливается изъ тѣхъ легендъ, которыя приписываютъ происхожденіе письма богамъ,—и сами являются продуктомъ певѣжества, этой матеріи всего таинственнаго. Въ одной изъ ассирійскихъ надписей Сарданопаль V говоритъ о клинообразныхъ знакахъ, какъ объ откровеніи, которое было сдѣлано его предкамъ отъ бога Небо; у египтянъ Тсотъ былъ писцомъ боговъ и ихъ древнѣйшія формы письма назывались „служителями боговъ“. Китайское преданіе приписываетъ изобрѣтеніе письма мудрецу Тс'ан-Чину, который обладалъ четырьмя глазами и лицомъ дракона и который образцы для своихъ письменныхъ знаковъ нашелъ въ звѣздахъ, слѣдахъ птичьихъ ногъ и рисункахъ на спинѣ ящерицы. При этомъ изобрѣтеніи „упалъ съ неба дивный изъ хлѣбныхъ зеренъ; безтѣлесные духи рыдали во мракѣ

и драконы исчезли изъ виду". На алтаряхъ, воздвигнутыхъ Тс'ангъ-Чину по всей Небесной Имперіи, сжигается въ честь его всякій случайный кусочекъ бумаги, на которомъ имѣются какія-либо письма. Въ легендѣ о Брамѣ, вышемъ божествѣ индійской троицы, онъ снхъ скрываетъ людямъ искусство письма, и алфавитъ Нагари, на которомъ написаны священныя книги, считается „принадлежащимъ къ граду боговъ“. Почеркъ руки Брами,—продолжаетъ легенда,—виденъ на зубчатыхъ швахъ человѣческаго черепа; и подобно тому, какъ Ягве, или Йегова написалъ „десять заповѣдей“, своимъ собственнымъ пальцемъ, такъ Брама написалъ священныя тексты Веды на золотыхъ листьяхъ. Исторія героя культуры, Кадма, принесшаго алфавитъ изъ Финикіи въ Грецію, достаточно известна.

Относительно вѣры въ силу произнесеннаго слова, особенно въ цѣлебную его силу, иллюстрацій можно было бы привести буквально со всѣхъ концовъ свѣта; не меньшая вѣра существуетъ и въ силу написаннаго слова или какимъ либо образомъ начертаннаго символа. Кабалистическія формулы и тексты изъ священныхъ книгъ играютъ въ этомъ отношеніи выдающуюся роль. Такъ, сила еврейскихъ Филактерій (кусочки кожи или пергамента, которые носятъ на лбу) зависитъ, какъ гласитъ широко распространенное повѣріе, отъ тѣхъ священныхъ текстовъ, которые на нихъ начертаны; амулеты, которые носятъ абиссинцами для отвращенія дурного глаза и предохраненіе отъ демоновъ, имѣютъ выгравированнымъ на себѣ тайное имя Бога; стихи изъ Корана вышиваются на чепракахъ и пополахъ, которыми покрываются турецкія и арабскія лошади для того, чтобы защитить ихъ отъ всякой порчи; неаполитанцы носятъ молитвы Мадоннѣ спрятанными въ своихъ коробочкахъ-амулетахъ; еще совсѣмъ недавно больныхъ въ Голландіи обматывали листиками изъ Библіи.

Въ своей интересной и поучительной книжкѣ объ „Эволюціи въ искусствѣ“ проф. Хаддонъ сообщаетъ рядъ цѣнныхъ наблюдений о томъ, какъ одно изъ семангскихъ племенъ Восточной Малаккіи пользуется рисунками для защиты противъ болѣзни и укуса ядовитыхъ насекомыхъ. Женщины носятъ бамбуковыя гребенки, на которыхъ выгравированы тѣ пятки или части ихъ, которыя, по убѣжденію ихъ, обладаютъ способностью излѣчивать лихорадку и другія болѣзни другія средства такого же рода употребляются для предупрежденія ушибовъ отъ падающихъ въ джунгляхъ сучьевъ и отъ укуса многоножекъ. Изъ магическихъ изображеній, вырѣзаемыхъ на бамбуковыхъ доскахъ семангскими магами, Воганъ Стивенсъ приводитъ тѣ, которыя защищаютъ противъ жала скорпіоновъ и многоножекъ (рис. 1), и тѣ, которыя служатъ противъ кожныхъ болѣзней (рис. 2).

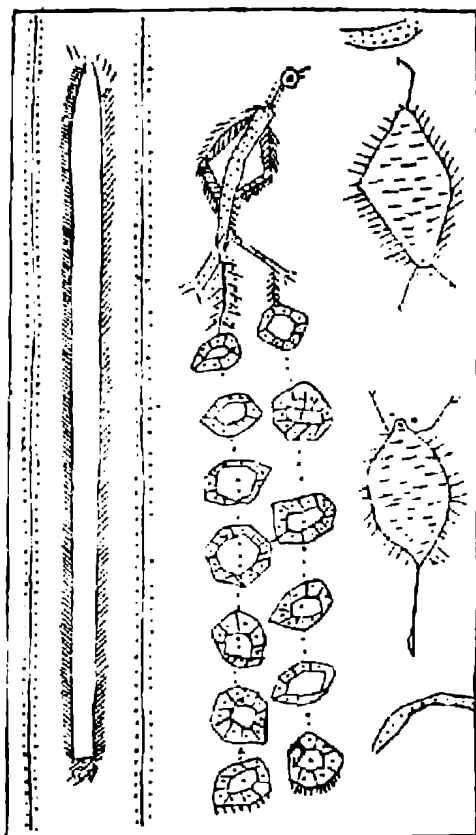

Рис. 1. Магическій пиктографъ противъ укусовъ.

Среди первыхъ изображеній мы находимъ аргусова фазана, подъ которымъ помѣщены лосообразныя фигуры, изображающія глазки на хвостовыхъ перьяхъ этой птицы. Пальцо изображена оранжевая многоножка, голова которой повернута къ хвосту фазана. Пунктирныя линіи, которыя проведены вокругъ многоножки, обозначаютъ слѣды, оставляемые на кожѣ человѣка. По другую сторону фазана два спихъ скорпіона; линіи у конца ихъ хвоста изображаютъ ту припухлость, которая об-

разуется въ тѣлѣ человека отъ ихъ укуса. Самка скорпионовъ этой породы оказывается болѣе ядовитыми, чѣмъ самцы и обладаютъ, какъ предполагаютъ туземцы, двойнымъ жаломъ, что обозначено двумя рядами пунктирныхъ линій у верхняго изображенія. „Значеніе этой бамбуковой доски опредѣляется тѣмъ, что аргусовый фазанъ питается многоножками и скорпионами, а потому помощь его и призывается противъ этихъ насѣкомыхъ посредствомъ отпечатыванія этого рисунка на землѣ“.

Вторымъ примѣромъ, который представляетъ изъ себя гораздо болѣе сложное и условное приспособленіе, является амулетъ противъ двухъ родовъ кожной болѣзни. Одна изъ этихъ болѣзней представлена рыбой чешуей, указывающей на лепрозные бѣлые язвы, а другая—овальными фигурами, указывающими на твердые узелки на кожѣ и подъ кожей. Хотя и неясно, какъ надо пользоваться этимъ талисманомъ, но несомнѣнно, что вѣра въ исцѣляющую силу его принадлежитъ къ числу многочисленныхъ идей варварскаго ума, группирующихся вокругъ симпатической магіи, по которой вещи, схожія съ вѣншей стороны другъ съ другомъ, мыслятся варварскимъ, неразвитымъ умомъ обладающими одними и тѣми же качествами. Отсюда далѣе недалеко до вывода, что, произведя извѣстныя дѣйствія надъ вещами, принадлежащими какому-либо лицу, или еще лучше надъ его изображеніемъ, мы тѣмъ самымъ окажемся въ силѣхъ воздѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи и на само это лицо. Достаточно сказать, что наиболѣе распространеннымъ случаемъ примѣненія такой „симпатической магіи“ будетъ уничтоженіе глиняной, восковой или иной фигурки, изображающей то лицо, о гибели котораго мы мечтаемъ, и увѣренность, что и жизнь ненавистнаго человека погибнетъ такъ же, какъ погибло его изображеніе. Такихъ примѣровъ можно было бы набрать очень много во всѣхъ частяхъ свѣта ¹⁾.

Волкал вещь облечена тайной по столько, поскольку ея происхождение и причины, ее породившія, остаются неизвѣстными; и тѣ вѣрованія и обычаи, которые были освѣщены здѣсь немногими, но многозначительными иллюстраціями, наводятъ на мысль о томъ, что если бы письменна осталась монополіей одной какой-нибудь касты или одного какого-нибудь класса, то они стали бы не орудіемъ освобожденія ума, а орудіемъ его порабощенія. „Знаніе—сила“ а человекомъ жадно захватывалось все, что ему обезпечивало власть надъ его ближними, особенно надъ тѣмъ чело-

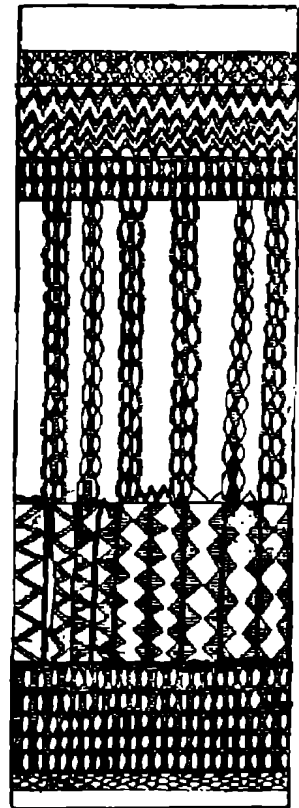

Рис. 2. Магическое приспособленіе противъ кожныхъ болѣзней.

¹⁾ Много подобныхъ иллюстрацій можно было бы привести и изъ русской дѣйствительности. Достаточно будетъ процитировать хотя бы слѣдующее мѣсто изъ „Русско-народно-бытовой медицины“ д-ра Попова для того, чтобы видѣть, какъ велико и въ нашемъ народѣ уваженіе къ различнымъ письменнымъ символамъ. „Суевѣрная идоя“,—читаемъ мы тамъ,—„что болѣзни можетъ быть ограничена кругомъ или чертой, нашла себѣ примѣненіе и въ чисто домашней обстановкѣ. Проведеніемъ магическаго круга лѣчатъ иногда нарывы и „непроступы“. Кругъ очерчивается углемъ и получаетъ размѣры, соотвѣтственно желанію больного ограничить болѣзнь тѣми или другими предѣлами... Въ Череповецкомъ у. очорчипаніе лишаево углемъ, чтобы они не распространялись по тѣлу, производится по вечерней зарѣ, съ молитвенными приговорами, а самый уголь, послѣ выполненія своей роли, бросается на землю. При поясничной лопотѣ кругъ очерчивается иногда топоромъ на порогъ избы“. (Стр. 207).

Прим. перес.

комъ, какъ жрецъ—отъ знатяря до папы,—какъ поситель оружія авторитета, который кажется болѣе страшнымъ, тогда, когда онъ невидимъ и недостижимъ. Знаки которые были неприспособлены и, въ томъ видѣ, въ какомъ они тогда существовали, были даже невозможны для общаго пользованія и требовали для усвоенія много времени и труда, дѣйствительно, могли бы служить такимъ оружіемъ избранныхъ, и только благодаря своему крайнему упрощенію они пробили себѣ путь къ широкой массѣ народа и сдѣлались средствомъ распространенія вѣданія.

ГЛАВА II.

Основы алфавита.

Мы можемъ теперь непосредственно перейти къ нашей главной задачѣ, заключающейся въ разсказѣ о тѣхъ стадіяхъ, черезъ которыя прошли алфавиты цивилизованнаго міра, прежде чѣмъ они приняли путемъ приспособленія на практикѣ конечную свою форму. Здѣсь, какъ и всюду, гдѣ проявлять свою силу умъ человѣка и гдѣ находило для себя приложение искусство его рукъ, мы можемъ наблюдать дѣйствіе закона развитія. Стремясь отыскать слѣды коренныхъ различій между человѣкомъ и животными, находящимися къ нему въ ближайшемъ физическомъ или психическомъ отношеніи, его описывали то какъ существо, изготовляющее орудія, то какъ существо, умѣющее обращаться съ огнемъ, то, какъ существо, обладающее члено-раздѣльной рѣчью; но чѣмъ глубже шли наблюденія и сравненія, тѣмъ яснѣе становилось, что всѣ эти различія—лишь различія по степени, а не по существу. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что въ области изобрѣтеній, какъ, напр., добываніе огня, на способъ котораго въ природѣ имѣются лишь намекъ, или изображеніе рисунковъ-знаковъ, каковая способность развилась подъ вліяніемъ инстинкта подражанія, имѣющагося на лицо и у нѣкоторыхъ нашихъ животныхъ,—что въ этой области, если ограничиться только матеріальной культурой, человѣкъ оказывается на болѣе высокой ступени совершенства. Но высота эта была достигнута въ процессѣ развитія, который не допускаетъ перерыва въ своемъ ходѣ.

За исходную точку настоящей своей работы мы должны взять способность человѣка къ изображенію знаковъ. Доисторическіе остатки даютъ намъ доказательства того, что подобной артистической способностью человѣкъ обладалъ еще въ очень отдаленномъ прошломъ; и на этихъ остаткахъ развертывается передъ нами его жизнь со всею ея обстановкой въ яркихъ, хотя и бѣглыхъ наброскахъ. На кускахъ кости, рога, сланца и другихъ матеріалахъ дикарь, охотникъ періода сѣвернаго оленя, пользуясь заостреннымъ кремнемъ, изображалъ, какъ себя, такъ и дикихъ животныхъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ.

Роскопки въ пещерахъ Франціи, Бельгіи и другихъ частей Западной Европы, дали грубые наброски обнаженныхъ, крѣпкихъ людей, мечущихъ копья въ дикихъ коней или ползкомъ подбирающихся къ медвѣдю или дикому быку или волосатому слону для того, чтобы запустить въ нихъ свое оружіе, и эти находки приходится отнести къ ранней половинѣ Каменнаго Вѣка. Особо удачнымъ для этого палеолитическаго искусства выходило изображеніе волосатаго слона съ его косматыми ушами, длинными волосами и клыками, загнутыми вверхъ, съ его ногами, скрытыми въ окружающей его высокой травѣ.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что явное отсутствіе другихъ указаній относительно перехода человѣка въ низшихъ ступеней культуры къ высшимъ, привело къ заключенію, что къ его заселенію сѣверо-западной и другихъ частей Европы имѣются крупнѣйшіе пробѣлы. Теорія абсолютнаго разрыва между древнимъ каменнымъ вѣкомъ и новымъ каменнымъ вѣкомъ долгое время преобладала въ наукѣ, но дальнѣйшія научныя изслѣдованія ее опровергнули. То же оказалось справедливымъ и по отношенію къ послѣдую-

щимъ періодамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія допускать, чтобы гдѣ-либо одна раса совершенно стиралась съ лица земли и открывала чистое поле для поселенія (иммиграціи) другой расы; и современныя археологическія изысканія возстановливаютъ связь между грубымъ искусствомъ Сѣверной Европы и искусствомъ Южной

Европы и даже, что особенно важно, съ искусствомъ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря. Образцы этой связи попадаются рѣдко, такъ какъ отъ губительной руки времени уцѣлѣли или пиктографы (образное письмо) на особенно прочныхъ матерьялахъ, или образцы гончарнаго искусства. Но, къ счастью, если оны и не попадаются часто, то зато широко распространены. Къ тѣмъ предметамъ, которые добывались при раскопкахъ пещеръ и о

Рис. 3. Рисунки, выгравированные на скалѣ первобытнымъ австралійскимъ населеніемъ.

которыхъ была уже рѣчь выше, надо прибавить выпарапалные рисунки на скалахъ въ Давии и рисунки на известняковыхъ скалахъ Приморскихъ Альпъ; а здѣсь въ одной изъ пещеръ (Marz d'Asie) находятся любопытныя графическія

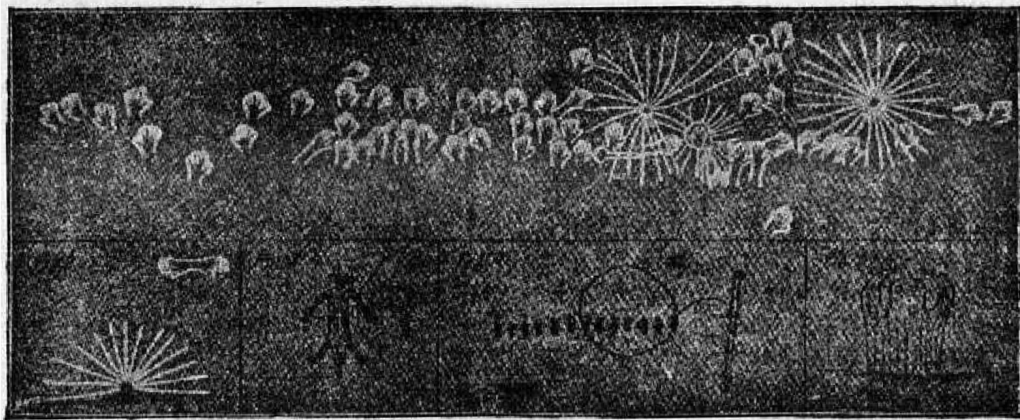

Рис. 3а. Первобытные рисунки въ краскахъ (Австралія).

знаки, имѣющіе отдаленное сходство съ нѣкоторыми петельками первобытныхъ рукописей, но еще болѣе интересными являются животныя и фигуры, напоминающія символы солнца (Свастика), „нарисованныя вѣроятно рукою древняго славянина на поверхности скалы, нависшей надъ священнымъ гротомъ въ фіордѣ Вочче-ди-Каттаро“ *). Къ этому послѣднему примѣру, приведенному Артуромъ Евансомъ въ его статьѣ о „Первобытныхъ Пикрографахъ“ можно прибавить нѣсколько важныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ тѣмъ же авторомъ. „Когда мы вы-
зынаемъ передъ собой самородные художественскіе таланты древней расы, которая

*) См. изд. „Вѣстника Знанія“—„Наука и религія“ Мальвера. Ред.

оставила по себѣ слѣды въ рисункахъ, выпарапанныхъ на кости въ пещерахъ періода „Сѣвернаго Оленя“, то эти факты, которые на сѣверныхъ берегахъ

Рис. 4. Бушменскіе рисунки.

Средиземнаго моря свидѣтельствуютъ,—правда на крайне частныхъ случаяхъ,—о непрерывности въ развитіи человѣчества, паводятъ на чрезвычайныя серьезныя размышленія. Развѣ не могли, будучи слишкомъ обременены новыми элементами, а съ другой стороны слишкомъ погружены въ тяжелую, хотя въ материальномъ отношеніи и болѣе высокую политическую цивилизацію,—развѣ не могли эти древнія эстетическія способности, которыя сдѣлали Европу наиболѣе рапней родиной того, что могло быть названо человѣческимъ искусствомъ въ противоположность узкой техники, окончательно эмансипироваться еще разъ въ южныхъ странахъ, гдѣ старый родъ лучше всего и выжилъ? Въ этомъ чрезвычайномъ проявленіи артистическаго гонія, который, въ удаленнѣйшіе періоды и при совершенно иныхъ политическихъ условіяхъ, былъ вызванъ къ жизни позднѣйшимъ населеніемъ Греціи и Италіи, развѣ мы не можемъ прослѣдить, какъ бы новый выходъ на поверхность. Послѣ долгаго и извили-

стаго подземаго пути, тѣхъ потоковъ, которые въ верховьяхъ своихъ увидали дневной свѣтъ въ болѣе ранніе періоды жизни нашей земли?

Но такъ какъ человѣкъ на одной и той же стадіи культуры повсюду въ практическомъ отношеніи представляетъ одно и то же, то недостатокъ образцовъ, которымъ отличается прошлое Европы, уравнивается тѣмъ графическими изображеніями, которыя встрѣчаются у нынѣ существующихъ дикихъ племенъ. Правда, у значительной части этихъ изображеній нѣтъ никакого смысла, по вѣдь пиктографія (образное письмо) является матерью алфавита, и потому тщательныя описанія подобныхъ рисунковъ, сдѣланныя различными нѣслѣдователями, могутъ оказаться весьма цѣнными, если ихъ удастся освѣтить при помощи тѣхъ образцовъ, постепенность которыхъ въ развитіи была установлена. Съ вымиращіемъ тасманійцевъ, которыхъ антропологи считали наиболѣе близкими къ палеолитическому человѣку, самыя низшія ступени человѣческой расы, по крайней мѣрѣ, въ нѣвѣстныхъ отношеніяхъ, заняты теперь австралійцами, хотя свободныя установленія ихъ социальныхъ организацій заставляютъ колебаться въ томъ, справедливо ли эти племена помѣщены на самомъ днѣ человѣческой культуры. Но тѣмъ не менѣе, какъ показываютъ приведенные здѣсь рисунки (фиг. 3 и 3а), ихъ опыты въ области искусства стоятъ ниже одухотворенныхъ рисунковъ доисторическаго обитателя пещеръ.

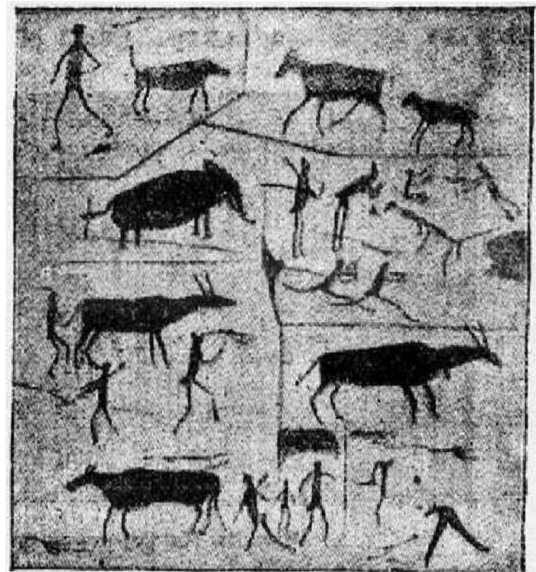

Рис. 4а. Бушменскіе рисунки.

Р. Х. Матью, который далъ обширный разборъ изображеній, выцарапанныхъ и нарисованныхъ на скалахъ, говоритъ, что одинъ типъ здѣсь легко можетъ быть замѣненъ другимъ: такъ мало въ нихъ разнообразія, „выкрашенные по трафарету и такъ же оттиснутыя руки, абрисы людей и животныхъ, грубо окрашенныхъ въ различные нѣста, повидимому, распространенны по всему континенту“. Онъ прибавляетъ, что

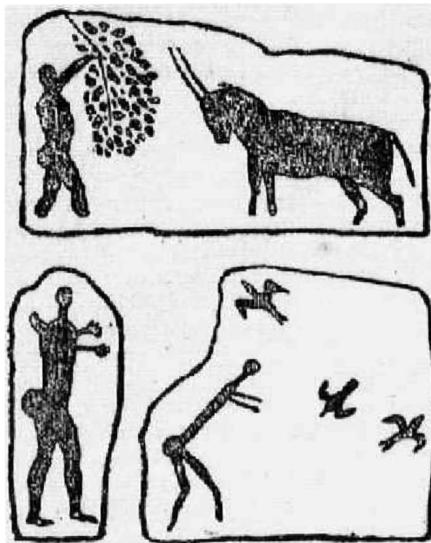

Рис. 4b. Образчики бушманской культуры на скалахъ.

хотя было бы лучше не подыскивать смысла къ группамъ туземныхъ рисунковъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны болѣе богатые данныя, — тѣмъ не менѣе теперь, когда мы знаемъ, что рисунки такихъ же дикихъ народовъ всѣхъ временъ и въ различныхъ частяхъ свѣта, оказались полны значенія, для насъ уже не представляется неоспопательнымъ ожидать, что странные фигуры, нарисованныя и выцарапанныя на скалахъ по всей Австраліи получатъ свое разъясненіе. Быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ ри-

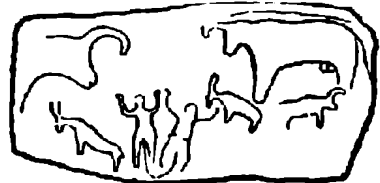
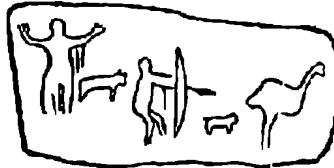
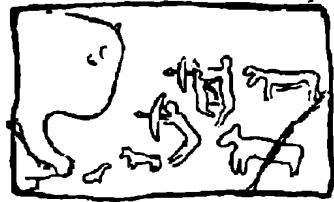

Рис. 4с. Рисунки, выгравированные на афжирскихъ скалахъ.

сунковъ являются идеографическими изображеніями событій изъ исторіи племени; другія группы фигуръ могутъ представлять собою какую-нибудь легенду; многія изъ животныхъ являются, вѣроятно, тотемами, и, наконецъ, весьма вѣроятно, что

Рис. 5. Бушманскій амулетъ, которымъ вызывался дождь.

часть изъ нихъ была воспроизведена ради забавы и временипрепровожденія“. Въ своей статьѣ „Туземныя племена Центральной Австраліи“ г.г. Спенсеръ и Джилленъ раздѣляютъ рисунки на скалахъ на двѣ серіи; одна изъ нихъ охватываетъ изображенія обычнаго типа, а другая, въ которую входятъ изображенія, помѣщаемыя въ мѣстахъ, считаемихъ табу (совершенно недоступныхъ) для женщинъ, дѣтей и непосвященныхъ, связана съ тотемами, т. е. съ такими предметами природы, — живыми или мертвыми, — отъ которыхъ, по убѣжденію племени, оно ведетъ свое происхожденіе. Эти тотемныя фигуры, называемыя Churinga (обычный туземный терминъ для священныхъ предметовъ) Ikkinia, являются часто въ формѣ спиральныхъ и концентрическихъ фигуръ, другія же пред-

ставляютъ изображенія самихъ тотемовъ, даже такихъ низшихъ по типу, какъ многоножка.

Стѣны въ пещерахъ, вырытыхъ въ песчанникѣ Южной Африки, часто покрыты рисунками, которые являются дѣломъ рукъ бушменовъ (рис. 4, 4а и 4б). Въ техникѣ разрисовки адѣосъ уже замѣчается извѣстный прогрессъ по сравнению съ аборигенами Австраліи; картины, изображающія охоту и другіе подвиги,

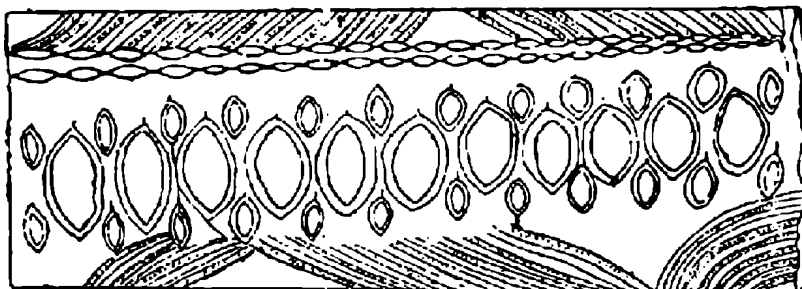

Рис. 6. Семанскій амулетъ для дождя.

составляющіе содержание жизни туземцевъ южной части континента, выкрашены обыкновенно въ черный и темпурасный цвѣта. Нѣкоторые изъ рисунковъ граничатъ съ каррикатурами; другіе, по словамъ одного изъ слѣдователей, „напоминаютъ дѣйствительные портреты. Орнаментировка головныхъ уборовъ, перьевъ, бусъ, кистей, повидимому, была произведена съ наибольшей тщательностью; въ то же самое время на лучшихъ рисункахъ выступаетъ правильная оцѣнка дѣйствительнаго вида предметовъ, перспектива и умѣнье ею пользоваться“.

Этотъ, въ настоящее время вырождающійся, народъ, который питается ящерицами, саранчой и кореньями, когда недостаетъ другой пищи, имѣетъ большой запасъ легендъ и многочисленныхъ преданій. Рис. 5, повидимому, представляетъ ихъ вѣру въ „симпатическую магію“, если, — какъ предполагаютъ, — на немъ дѣйствительно изображена толпа, которая гонимъ по землѣ гиппопотама или другое какое-нибудь земноподобное животное для того, чтобы такимъ образомъ вызвать дождь. Семанги съ Малайскаго полуострова употребляютъ бамбуковые талисманы для дождя (рис. 6), на которыхъ косыми линиями изображенъ ливень, подгоняемый вѣтромъ.

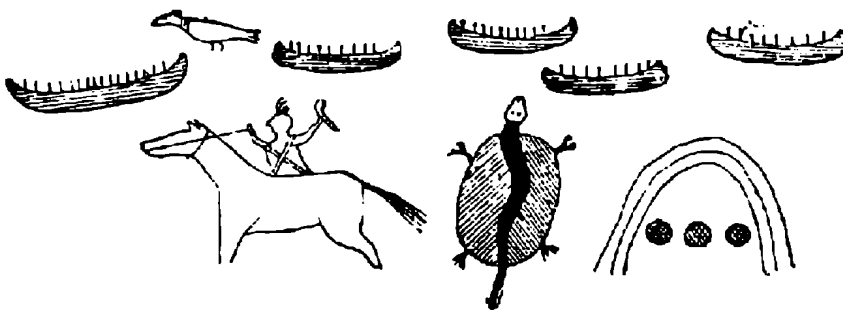

Рис. 6а. Воспоминаніе объ экспедиціи.

Новый свѣтъ богатъ древними памятниками, часто украшенными символическими изреченіями, но стариннѣе этихъ послѣднихъ тѣ пиктограммы, которые покрываютъ валуны и каменные откосы отъ Гвинеи до Новой Шотландіи и къ западу до Скалистыхъ Горъ. Нѣкоторые изъ нихъ выцарапаны на твердомъ камнѣ чертами, глубиною до полу-дюйма; другіе изображены при помощи широкихъ мазковъ красной охры или другой краски, при чемъ работа атмосферы надъ ними свидѣтельствуютъ и о глубокой ихъ древности. Назначеніе ихъ часто объяснить нелегко, но мы знаемъ, что въ нихъ лежатъ тѣ зародыши, отъ которыхъ произошли алфавиты. Одинъ рисунокъ (фиг. 6а) на поверхности скалы Верхняго озера, срисованный и истолкованный Шулькрафтомъ, представляетъ изъ себя воспоминаніе о походѣ черезъ озеро, предпринятое „Міеенгуомъ“, или „Волкомъ“, знаменитымъ индѣйскимъ вождемъ. Экипажъ каждаго каноэ изображенъ рядомъ вброшенныхъ въ верху веселъ. Главный союзникъ Міеенгуа, Кашкеминузее, „король-рыбокъ“, находится на первомъ каноэ. Лукъ съ тремя